

С. Л. Утченко

КРИЗИС КОМИЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В РИМЕ

Одним из наиболее характерных симптомов кризиса политических форм республики следует считать разложение комициального устройства, падение политической роли комиций, а в дальнейшем и фактическое прекращение их деятельности. Однако вопрос о разложении комиций, насколько нам известно, подробному рассмотрению в советской историографии до сих пор не подвергался. Высказываемые советскими историками — главным образом в трудах общего характера — соображения о роли комиций в эпоху кризиса и падения Республики по большей части чрезвычайно лапидарны. Они в основном сводятся к тому, что Октавиан Август без особого труда лишил комиции всякого политического значения, превратил их в «пустую формальность»¹ или настолько «приручил» их, что комиции оказались не в состоянии помешать тому же Августу «проводить свою реакционную политику»².

Подобный взгляд на Августа как на «душителя» комиций разделяется также крупнейшим советским исследователем принципата Н. А. Машкиным. В своем капитальном труде «Принципат Августа» он отмечает, что «комиции становятся послушным орудием принцепса», что они «потеряли свое политическое значение»³. А так как зажим и удушение комиций рассматриваются автором как одно из составных звеньев общей политики Августа по отношению к плебсу, а эта общая политика, в свою очередь, определяется как «политика цезаризма»⁴, то, следовательно, «зажим» комиций, лишение их политической роли возводятся Н. А. Машкиным еще к Цезарю⁵.

Однако эта столь распространенная точка зрения едва ли может быть подтверждена источниками. Отнюдь не считая Августа или Цезаря сторонниками укрепления политического значения комиций, — что было бы, конечно, абсурдом и нелепостью, — мы хотим лишь высказать сомнение по поводу той исключительной роли, которая приписывается им в связи с упадком комиций, считая, что ни Цезарь, ни Август не могли бы столь быстро и безболезненно удушить комиции, если бы к этому времени ко-

¹ История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1956, стр. 587; ср. также стр. 597.

² С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 505.

³ Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 403—404. Подобные утверждения, но в еще более категорической форме, высказаны автором в его общем труде. См. Н. А. Машкин, История древнего Рима, изд. 3, М., 1956, стр. 349.

⁴ Н. А. Машкин, Принципат Августа, стр. 458.

⁵ Ср., например, Машкин, Принципат Августа, стр. 101.

мициальное устройство не находилось в стадии далеко зашедшего разложения и фактически уже не изжило себя.

На самом деле мероприятия Цезаря, а затем и Августа в отношении комиций, как о том свидетельствуют источники, были чрезвычайно умеренными, осторожными и менее всего походили на «лобовую атаку» против комиций.

Если иметь в виду не малодоступные нам замыслы Цезаря или Августа, но их истинные, реальные действия, то только что высказанная точка зрения всецело подтверждается данными источников. Так, нам известно, что Цезарь, проведя реформу календаря, все же сохранил *dies comitiales*⁶, а в 54 г. на *Campus Martius* заложил для трибунных комиций *saepa marmorea*, которые были закончены уже Августом⁷. Конечно, нам также не менее хорошо известно, что, наряду с только что перечисленными мероприятиями в отношении комиций, Цезарем предпринимались и совершенно иные действия, как, например, присвоение себе права рекомендовать комициям кандидатов при выборах⁸. Эти действия Цезаря, как и *ius commendationis* Августа, являются, очевидно, для ряда исследователей тем основанием, которое используется при утверждении о «превращении комиций в послушное орудие принцепса». Отнюдь не отрицая того факта, что *ius commendationis* диктатора серьезно умаляло и ограничивало политическую роль комиций, мы хотели бы лишь указать на то, что ни Цезарь, ни тем более Август не были пионерами в этой области: не говоря уже о Сулле⁹, известно, что еще в более раннюю эпоху видные оптиматы или, наоборот, вожди популяров рекомендовали своих кандидатов трибам¹⁰. Таким образом, подобный акт насилия над комициями впервые был совершен отнюдь не Цезарем, но должен быть возведен к республиканскому времени. Это обстоятельство, с одной стороны, несомненно характеризует отношение диктатора к комициям, но вместе с тем оно не может не повлиять на изложенную выше точку зрения о «всевластии» Цезаря в отношении комиций, тем более, что при нем частично сохранялись еще и свободные выборы.

Октавиан Август, кроме завершения постройки *saepa marmorea*, в 8 г. до н. э. построил *diribitorium*¹¹ — специальное здание для упорядочения подсчета голосов. Он же, как известно, разрешил жителям муниципиев в колониях голосовать в римских комициях, не присутствуя на них. Они голосовали письменно, и избирательные бюллетени с их голосами отсылались в запечатанном пакете в Рим (*Suet.*, Aug., 46). Таким образом, эта часть италийского населения могла теперь реализовать свое право голоса, которое до этого нововведения зачастую было лишь формальным. Возможно, что Август ввел еще одно усовершенствование в практику комиций; отменил ставшее уже явным пережитком голосование по цензовым классам в *comitia centuriata*¹². Что касается утери комициями при Августе их судебной компетенции (*Dio Cass.*, 56, 40), то это было лишь завершением и, быть может, всего-навсего юридическим оформлением длительного процесса, так как еще во времена Республики, с введением *quaestiones perpetuae*, судебные функции комиций постепенно перешли именно к этим судам.

Таким образом, краткий обзор мероприятий, проведенных Цезарем и

⁶ *Maer.*, Sat., I, 14, 12.

⁷ *Dio Cass.*, 53, 23; 55, 8; *Cic.*, Att., IV, 16.

⁸ *Suet.*, Caes., 41; *Dio Cass.*, 43, 51; *Eutrop.*, IV, 25.

⁹ *Sall.*, Hist., I, 41, 21 D.

¹⁰ См. Н. А. Машкин, *Принципат Августа*, стр. 403.

¹¹ *Dio Cass.*, 55, 8; *Suet.*, Claud., 18.

¹² См., например, *Dion.*, 4, 21.

Августом в отношении комидий, отнюдь не свидетельствует о том, что в это время произошел какой-то резкий, принципиальный перелом в положении и политической роли народных собраний в Риме. Наоборот, все сказанное выше позволяет, на наш взгляд, прийти к двум основным выводам:

а) разложение и упадок комидий — процесс постепенный и длительный, начавшийся задолго до Цезаря и Августа, во всяком случае еще в эпоху Республики;

б) причины этого явления коренятся отнюдь не в сознательной деятельности отдельных личностей—Августа, Цезаря или их предшественников, но восходят к более глубоким закономерностям в развитии римского общества.

Предлагаемая работа представляет собой посильную попытку уяснения обоих этих вопросов. Начнем с вопроса о причинах разложения и упадка комидий.

Прежде всего следует, очевидно, подчеркнуть принципиальную роль народного собрания как основного элемента полисной демократии. Нам кажется, что есть все основания утверждать, что без наличия народного собрания в той или иной его форме, с той или иной широтой компетенции, с той или иной степенью влияния на жизнь данной общины, полисное устройство вообще немыслимо. А это в свою очередь подтверждает тот факт, что элементы демократии заложены в самой основе полисной организации, хотя степень демократизации того или иного полиса на деле, как это доказывается всем хорошо известными историческими примерами, может быть совершенно различной.

Принципиальное значение народного собрания как органа полисной демократии состоит, на наш взгляд, в том, что народное собрание являлось отражением (несомненно, опосредствованным) в сфере общественной жизни господства той своеобразной экономической категории, которая и была материальной базой полиса и которую Маркс определял как коллективную (совместную) частную собственность¹³. Это значит, что народное собрание осуществляло право каждого собственника — члена гражданского коллектива — управлять своей собственностью и охранять ее, причем осуществление этого права — и в этом весь смысл деятельности народных собраний — происходило совместно, в коллективе. Говоря о римских комидиях, мы, очевидно, для правильной оценки их значения и их исторической судьбы также должны исходить из этого общего, принципиального определения.

Республиканский Рим до определенной ступени своего развития представлял собой типичный полис, т. е. ту гражданскую общину, тот коллектив, принадлежность к которому гарантировала его членам право собственности. Применительно к Риму Маркс писал: «Собственность — это собственность квинритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»¹⁴. И действительно, категория квинритской собственности в Риме — *dominium ex iure Quiritium* — является в силу своей специфики наиболее близким и вместе с тем наиболее ярким и полным выражением материальной основы Рима-полиса.

Ius Quiritium занимает особое место в системе римского права. Его даже с точки зрения формально-юридической было бы незаконмерно включать, как это обычно делается, в систему *ius privatum*. Бесспорно, что при своем зарождении *ius Quiritium* носило публично-правовой ха-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, М., 1955, т. 3, стр. 21.

¹⁴ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 13.

ракти. Поэтому имеют резон те юристы, которые считают, что распределение земель в римской общине между отдельными родами и семьями покоилось в принципе на волеизъявлении всего коллектива собственников, всей общины в целом и, следовательно, должно рассматриваться как выражение публичного права. «Fundus meus est ex iure Quiritium» — означало: «Участок — мой в силу моего права гражданства, в силу публичного порядка распределения земли между членами общины»¹⁵.

Бесспорно и то, что, по мере развития и усложнения социально-экономических отношений в древнеримской общине, понятие *dominium ex iure Quiritium* претерпело существенные изменения. Не касаясь сейчас сложных и все еще недостаточно ясных вопросов, связанных с древнейшим делением имущества на *familia* и *rescunia*, а также вопроса о соотношении этих терминов с *res mancipi* и *res mancipi* в гражданском праве¹⁶, мы можем, с большей или меньшей степенью достоверности, утверждать, что понятие *dominium ex iure Quiritium* применяется и к земельной собственности и к движимостям (они теперь защищаются не только на деликтном основании, но на них переносится vindикационный принцип), и *ius Quiritium* начинает употребляться для обозначения права собственности вообще¹⁷. Но и теперь, превратившись в абсолютное право собственности, понятие *dominium ex iure Quiritium* не утрачивает своего публично-правового значения, поскольку его субъектом по-прежнему остается римский гражданин¹⁸.

В этом смысле мы можем сказать, что *dominium ex iure Quiritium* приобретает значение основополагающей категории права, включающей в себя в принципе все остальные права собственника — члена гражданской общины. Данный тезис может быть подтвержден более наглядно, если мы обратим внимание на соответствие между *ius Quiritium* и понятием *caput*, т. е. тем понятием, которым римляне и определяли полную правоспособность гражданина как такового.

Caput римского гражданина, как известно, складывался из трех элементов, или *status*: *status libertatis*, *status civitatis* и *status familiae*. Любая перемена статуса приводила к так называемому *capitis deminutio*¹⁹. Для нас представляют сейчас наибольший интерес первые два статуса, поскольку оба они относятся в первую очередь к сфере *ius publicum*. Кстати, в римском правосознании понятия *libertas* и *civitas* были очень близки друг к другу, так как *libertas* всегда рассматривалась не как врожденное, естественное право человека, но как право гражданское, право благоприобретенное²⁰.

Status libertatis предопределял деление на свободных и рабов. Конечно, личная свобода была первой и само собой разумеющейся предпосылкой римского гражданства. Собственно, для римлянина его свобода (*libertas*) и его гражданство (*civitas*) были понятиями почти идентичными, во всяком случае оба термина воспринимались как характеристика или определение именно гражданского состояния. *Libertas* — это гражданское состояние свободнорожденного римлянина как такового, *civitas* —

¹⁵ И. А. Покровский, История римского права, СПб., 1913, стр. 329. Однако Покровский включает *dominium ex iure Quiritium* в систему гражданского права.

¹⁶ См. В. М. Хвостов, История римского права, М., 1919, стр. 107—108, а также прим. 1 на стр. 108.

¹⁷ Покровский, ук. соч., стр. 330.

¹⁸ Покровский, ук. соч., стр. 332, ср. стр. 330.

¹⁹ L. II. D. 4, 5. Paulus, *Capitis deminutionis tria genera sunt, maxima, media, minima. Tria enim sunt quae habemus, libertatem, civitatem, familiam.*

²⁰ Ch. Wirszowski, *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*, Camb., 1950, стр. 3.

его гражданское состояние в отношении ко всему коллективу свободно-рожденных римлян²¹.

Status civitatis предопределял деление на полноправных и неполноправных, т. е. на римских граждан, с одной стороны, и на либертинов, *cives sine suffragio*, латинов и peregrinorum — с другой. В состав полной *civitas* входили такие *iura*, которые обеспечивали римскому гражданину его политическую правоспособность, например *ius suffragii* и *ius honorum* (т. е. активное и пассивное избирательное право), а также права, обеспечивающие его имущественную и семейную гражданскую правоспособность, — *ius commercii* и *ius conubii*²².

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что *status libertatis* и *status civitatis* предусматривали гарантии по охране гражданства, сохранения его замкнутости и гарантии участия в коллективном волеизъявлении собственников, т. е. участия в комициях. Дополнительно к этому *ius commercii* давало гарантию имущественной правоспособности. В целом можно сказать, что *status libertatis* и *civitatis* гарантировали римскому гражданину права управления (распоряжения) собственностью. Что касается прав защиты собственности, то в римских условиях они также осуществлялись через комиции, во всяком случае до тех пор, пока существовало гражданское ополчение и сохранялись элементы сервианской организации²³.

Но все эти права распоряжения и защиты собственности являются в значительной степени производными, функциональными, требуя в качестве необходимой предпосылки наличия самой собственности и юридического титула, гарантирующего право обладания этой собственностью. Такой юридической нормой и было *ius Quiritium*, которое следует признать лежащим в основе всех остальных прав римского гражданина и даже в какой-то мере определяющим данные права. В этом смысле мы можем сказать, что если *caput* с его статусами определял и регламентировал права римского гражданина, предполагая его наличие, его гражданское бытие как нечто уже данное, то *ius Quiritium*, отражая материальную основу совокупности всех прав, создавало римского гражданина как такового.

На этом мы можем завершить рассмотрение вопроса о *dominium ex iure Quiritium* как о специфическом выражении материальной основы Рима-полиса. Изложенное выше дает возможность вернуться к нашему основному вопросу и перейти к некоторым выводам относительно внутренних причин разложения римского полисного устройства и его важнейшего составного элемента — комиций.

Выше было дано принципиальное определение народного собрания как выразителя воли коллектива земельных собственников и рабовладельцев. Исходя из этого определения, мы, очевидно, должны сделать вывод, что основной внутренней причиной разложения комиций в Риме был факт разложения самой римской общины, самого коллектива собственников. Но нам также известно, что материальной базой этого коллектива была особая форма собственности, которую мы определяли как коллективную (совместную) частную собственность и которая в римских условиях выступает перед нами в виде *dominium ex iure Quiritium*. Оче-

²¹ Там же, стр. 3—4. A Roman's *libertas* and his *civitas* both denote the same thing, only that each does it from a different point of view and with emphasis on a different aspect: *libertas* signifies in the first place the status of an individual as such, whereas *civitas* denotes primarily the status of an individual in relation to the community (See M o m m s e n, *Freiheitsschutz*, p. 255). Only a Roman citizen enjoys all the rights, personal and political that constitute *libertas*.

²² Х в о с т о в, ук. соч., стр. 85.

²³ Th. M o m m s e n, *Römisches Staatsrecht*, Lpz, 1887—1888, III, 1, стр. 295.

видно, что если теперь пойдет речь о внутренних причинах разложения комиций, то мы должны прежде всего выяснить вопрос о том, имели ли место какие-то изменения, затрагивающие именно эту материальную основу коллектива римских собственников.

Такие изменения имели место в действительности, и они должны рассматриваться как проявление основного противоречия и как наиболее глубокая внутренняя причина кризиса римской полисной организации. Существование этих изменений состояло в том, что по мере развития римского общества, по мере усложнения социально-экономических отношений и обострения классовой борьбы модифицируется самая материальная основа общества, возникают и утверждаются новые виды собственности.

Если некогда Рим представлял собой такое общество, где полноправным собственником мог быть только полноправный член узкого и замкнутого гражданского коллектива, то и собственность в то время могла существовать лишь в форме коллективной (совместной) частной собственности. Кстати, эта же форма собственности обуславливала развитие политических институтов полисной демократии. Когда же в Риме, — само собой разумеется, что речь идет о довольно длительном процессе, к тому же отнюдь не мирного характера, — условием права собственности перестает быть условие принадлежности к этой старой замкнутой гражданской общине или, точнее говоря, это условие становится сугубо формальным, то изменяется и самая форма собственности, а следовательно, неизбежно приходят в несоответствие с экономической базой политические формы (т. е. органы полисной демократии, и прежде всего комиции).

Этот процесс во всех его внутренних проявлениях и опосредствованиях едва ли может быть здесь прослежен. Бесспорно лишь то, что он выражался в напряженной социальной и политической борьбе и что начало его следует искать, не говоря о точных датах и событиях, в те времена, когда начинается в широких масштабах пауперизация носителей полисной демократии — римского крестьянства, что и следует признать основным социальным содержанием самого процесса. Что касается конечной датировки, то и здесь, бесспорно, нельзя ограничиться названием какого-либо единичного исторического факта или события; однако, на наш взгляд, достаточно ярким выражением того, насколько далеко зашел интересующий нас процесс, была Союзническая война.

Значение Союзнической войны состоит прежде всего в том, что она нанесла сокрушительный удар полисной организации Рима. Рим как полис, строго говоря, перестает существовать после Союзнической войны. Распространение прав римского гражданства по *lex Iulia* и *lex Plautia Papiria* на всех италиков²⁴ взорвало изнутри узкий и замкнутый коллектив полноправных собственников — римлян. Условие принадлежности к римской гражданской общине как условие права собственности становится пустой формальностью. Римские комиции, до сих пор олицетворявшие *populus Romanus*, превращаются в юридическую фикцию. Таким образом, Союзническая война нарушила, разбила те основные гарантии, которые поддерживали и охраняли полисную организацию Рима как таковую²⁵.

Но Союзническая война была лишь формой, в которую вылилось определенное социальное движение. Объективной задачей этого движения являлась борьба за распространение прав и привилегий узкого, замкнутого коллектива собственников на широкую массу италийского насе-

²⁴ *Cicero*, *Pro Balbo*, 8, 21; *Pro Arch.*, 4, 7; *Appian*, *BC*, I, 49; 53; *Vell. Pat.*, II, 16; 17; *Gell.*, 4, 4, 3.

²⁵ См., например, *A. N. Sherwin-White*, *The Roman Citizenship*, 1939, стр. 129—130.

ления. Однако распространение этих прав и привилегий на более широкие слои населения было невозможно по самому их существованию и характеру. Подобное распространение приводило лишь к самоизживанию этих привилегий, к превращению их в юридические фикции. Все это, в конечном счете, не могло не отразиться на материальной основе рассматриваемых прав и привилегий.

Юристы не считают возможным точно установить время, когда на смену *ius civile* приходит *ius gentium*²⁶. Но для нас сейчас это и неважно, так как нет сомнений в том, что в эпоху, следующую за Пуническими войнами, *ius gentium* разрабатывалось уже достаточно интенсивно²⁷.

Во всяком случае, старое квинтское право перестало удовлетворять запросам жизни. Квинтская собственность тоже теряет свое исключительное положение, какое она имела в эпоху *ius civile*, и наряду с нею возникают другие виды собственности, как, например, собственность перегринов, собственность провинциальная и собственность преторская или бонитарная. Причем по сравнению с некоторым из этих новых видов собственности собственность квинтская занимает второстепенное положение и вынуждена в определенных случаях, как, например, перед бонитарной собственностью, отступать на задний план, теряя свое реальное значение (*nudum ius Quiritium*)²⁸. Все это, несомненно, является достаточно ярким отражением в сфере юридических норм тех существенных изменений, которые коснулись самой материальной основы римского общества. Суть же этих изменений состояла в том, что коллективная частная собственность имела тенденцию эволюционировать в сторону абсолютной, неограниченной собственности, хотя еще в то время, и особенно в римских условиях, эта тенденция не только не могла получить беспрепятственного развития, но даже встречала непреодолимое противодействие.

Таковы, на наш взгляд, основные внутренние причины, приведшие к кризису римской полисной организации и ее важнейшего составного элемента — комиций.‡

Попытаемся теперь дать ответ на другой вопрос, поставленный в начале этой работы, и обрисовать общую картину постепенного упадка комициального устройства.

Как уже указывалось выше, разложение комиций следует рассматривать как длительный процесс. Куриатные комиции потеряли всякое политическое значение еще в эпоху между первой и второй Пуническими войнами. Выборы магистратов в них более не производятся. *Lex curiata de imperio* превращается в простую формальность. Главной функцией куриатных комиций становится совершение актов гражданского права: *argrogatio* и *testamentum*, и выполнение обряда *transitio ad plebem*. Этот вид комиций настолько теряет свое реальное значение, что граждане просто перестают собираться по куриям и 30 куриий заменяются 30 ликторами (Cic., *De leg. agr.*, 2, 12, 31).

Поэтому наиболее важное значение приобретают такие виды народного собрания, как центуриатные и трибутные комиции. С эпохи Гракхов роль народных собраний в политической жизни Рима вообще чрезвычайно возрастает. Это был период, — как известно, сравнительно краткий, — наивысшего подъема демократического движения в Риме и Италии. Народное собрание становится центром и средоточием борьбы против сенатской олигархии. Еще Тиберий Гракх, решившись на свой знаменитый революционный акт, — проведя через комиции лишение своего коллег

²⁶ Х востов, ук. соч., стр. 211.

²⁷ Х востов, Там же.

²⁸ Х востов, ук. соч., стр. 280.

трибунских полномочий, — фактически поставил авторитет народного собрания выше конституционных традиций (App., BC, I, 12; Plut., Tib. Gr., 11—12). В дальнейшем народным собранием не раз принимались решения вопреки воле сената и даже несмотря на его открыто проявляемое противодействие^{28а}.

Народные собрания в то время проходили активно и многолюдно. Иногда они были настолько многолюдны, что форум не вмещал всех участников собрания, как, например, в день выборов младшего Гракха народным трибуном (Plut., G. Gr., 3). Активность, политические страсти, кипевшие на форуме, нередко перерастали в вооруженную борьбу. Так случалось и во времена Гракхов и несколько позже, например при проведении через комиции законов Сатурнина (App., BC, I, 30—33). Это были первые вспышки гражданской войны на улицах Рима.

В скором времени после окончания Союзнической войны картина довольно резко меняется. Во-первых, развивается абсентеизм, который, очевидно, нужно рассматривать как прямое следствие распространения гражданских прав на италиков, ибо теперь вопрос о народном представительстве в комициях неизбежно превращался в юридическую фикцию. Что это было так на самом деле, свидетельствуют неоднократные высказывания Цицерона. Так, говоря о своем возвращении из изгнания, Цицерон указывает на то, что для обеспечения достаточного в количественном отношении представительства в центуриатных комициях потребовался специальный сенатусконсульт, приглашающий граждан из всех муниципий и колоний^{28б}. Не лучше в этом смысле обстояло дело и в трибунных комициях. Доходило до того, что при голосовании законов в каждой из 35 триб присутствовало не более пяти голосующих, да и к тому же подававших голоса не по своим трибам (Cic., Sest., 51, 109). Недаром тот же Цицерон не без иронии отмечает, что гладиаторские игры посещаются куда лучше, чем комиции, и поэтому зрители игр могут считаться более полномочным представительством римского народа (там же, 59, 125).

Затем развивается в широких масштабах коррупция. Это было прямым следствием изменения социального состава комиций. Учитывая растущий абсентеизм сельских избирателей и фактическую невозможность посещения комиций в Риме избирателями, живущими в отдаленных от Рима местностях Италии, приходится в этой связи констатировать преобладание люмпенпролетарских элементов среди наиболее активной части избирателей. Этот факт отмечен самими древними, которые, как правило, дают самую нелестную характеристику «городской черни»²⁹.

Что касается развития подкупа, причем в крайне беззастенчивых формах, то об этом единодушно свидетельствует ряд авторов. Первые законы против злоупотреблений при выборах, если верить Ливию, относятся к эпохе ранней республики (Liv., IV, 25; VII, 15); но закон, направленный уже прямо против подкупов, был принят впервые в 181 г. (Liv., 40, 19). Несколько позже, после принятия lex Cornelia Fulvia (166 г.) (Liv., Ep., 47), учреждается постоянный суд для разбора дел по обвинению в ambitus. В последующие годы проводится еще ряд законов de ambitu, но само количество их свидетельствует о том, что они, видимо, были малоэффективны.

Цицерон как в своих речах, так и в письмах неоднократно упоминает о подкупах избирателей, а также о законах, направленных против коррупции³⁰. Более того, нам хорошо известно, что Цицерон в бытность свою

^{28а} Plut., Tib. Gr., 14; G. Gr., 5—6; App., BC, I, 21—22.

^{28б} Cic., Pis., 15; P. red. in sen., 10.

²⁹ См., например, Sall., Cat., 37; Cic., Ad Att., I, 16, 11.

³⁰ Cic., Ad Att., I, 16, 12—13, ср. De dom., 33, 89.

консулом провел закон *de ambitu* (Cic., *Mur.*, 23), получивший его имя и представлявший собой развитие и уточнение закона Кальпурния от 67 г. Тем не менее это не помешало тому же Цицерону защищать Мурену, обвиненного с довольно серьезными основаниями как раз в таком преступлении.

Аппиан, рисуя положение в Риме в середине 50-х годов, говорит о том, что в это время бесстыдно царили подкуп и взятки; народ приходил на выборы подкупленным (*App.*, *BC*, II, 19). Он прямо называет сумму, до которой доходила плата за высшие магистратуры (там же). К стати, совершенно конкретные суммы называл в аналогичных случаях и Цицерон (*Q. fr.*, II, 14, 4). И, наконец, Плутарх признает подкуп избирателей настолько установившимся и общераспространенным обычаем, что, по его мнению, сами римские граждане рассматривали получаемые ими — и, видимо, довольно регулярно — суммы как причитающееся им «жалованье» (*μισθός*)³¹.

Говоря о наиболее ярких показателях разложения комиций, помимо абсентеизма и коррупции, следует остановиться также на различного рода насилиях и злоупотреблениях.

Мы отмечали выше, что еще во времена Гракхов и их ближайших последователей политическая борьба в комициях не раз перерастала в борьбу вооруженную. Но, во-первых, справедливость требует отметить, что инициатором применения насилия был римский нобилитет. Кроме того, вспышки гражданской войны на улицах Рима в ту эпоху были результатом кипения высоких политических страстей, результатом борьбы вокруг крупных социально-политических проблем, например, аграрного вопроса или вопроса о политических правах; теперь же, в середине I в. до н. э., очень часто применение насилия в комициях оказывалось следствием борьбы за власть отдельных личностей, а иногда еще более мелких и беспринципных интриг.

Клодий и Милон изгоняли своих противников из комиций или даже просто разгоняли комиции, созданные противной стороной, при помощи специально организованных ими вооруженных отрядов³². Эти отряды Цицерон называет наемными (*mercenarii*) (Cic., *Sest.*, 52, 112). В составе отрядов были ремесленники, вольноотпущенники, низы городского плебса и даже рабы и гладиаторы (там же, 39, 85; 41, 88). Отряды эти были, видимо, довольно значительны, так как Цицерон, говоря об отрядах Клодия, употребляет не только термин *manus*, но и *exercitus*. В 57 г., когда с необычайной страстностью обсуждался вопрос о возвращении из изгнания Цицерона, между отрядами Клодия и Милона происходили форменные сражения на улицах Рима.

Нет нужды, да и возможности перечислять все случаи насилия по отношению к комициям. Упомянем лишь о том, что, помимо открытого насилия, применялись различные хитрости и злоупотребления. Так, иногда собрания незаконно отменяли, удаляя *Vexillum russeum* (Dio Cass., 37, 28), а Цицерон³³, Плутарх³⁴ и Аппиан (*BC*, III, 7) рассказывают о том, как пренебрегали, когда это было выгодно, ауспигиями или беззастенчиво подгоняли их под желаемое решение. Тот же Клодий еще в начале 50-х годов открыто продемонстрировал свое беспринципное отношение к религиозным запретам: сначала он отменил закон Элия Фуфия о наблю-

³¹ *P l u t.*, *Cat. min.*, 49. См. обо всем этом более подробно: Р. Ю. В и п е р, *Очерки истории римской империи*, М., 1908, стр. 157—165.

³² *C i c.*, *P. red. in sen.*, 7, 18; *Sest.*, 37 sqq.; *Phil.*, I, 10, 26; 5, 4, 9; *Ascon.*, 32, 35; *Vell.*, II, 47.

³³ *C i c.*, *Ad Att.*, 4, 3, 4; *Phil.*, II, 35, 88; III 4, 9.

³⁴ *P l u t.*, *Pomp.*, 52; *Cat. min.*, 42.

деннях над небесными знаменами в день комиций, а когда встал вопрос о возвращении Цицерона, то Клодий и его сторонники, пытаясь воспрепятствовать этому всеми доступными им средствами, не стеснялись прибегать к ссылкам на неблагоприятные предзнаменования³⁵.

Рассмотрим в заключение процесс постепенного ограничения важнейших функций народного собрания в Риме.

Ранее всего комиции лишаются своих судебных функций³⁶. Практически они утратили их еще при Сулле, когда тот укрепил и расширил систему *quaestiones perpetuae*³⁷. Если судебная компетенция комиций этими *leges Corneliae* и не была официально уничтожена, то, во всяком случае, резко ограничена и потому теряла почти всякое практическое значение. Открытым поприщем *iudicium populi* была казнь катилинариев в консульство Цицерона³⁸.

Однако Цезарь еще признавал судебные функции комиций в *lex Iulia* от 46 г. (*Dig.*, 48, 6), а Марк Антоний в 44 г. хотел разрешить *provocatio ad populum* против приговоров *de vi* и *de maiestate*, вынесенных в *quaestiones perpetuae* (*Cic.*, *Phil.*, I, 9, 21). Но все это было уже только пустыми декларациями. При Августе, как уже упоминалось выше, комиции окончательно лишились своих судебных прав (*Dio Cass.*, 56, 40). Таким образом, именно та сфера деятельности комиций, которая наиболее полно и неограниченно отражала их суверенные возможности, была ликвидирована значительно раньше всех остальных.

Выборные функции комиций, безусловно, сохраняются дольше. Но уже в последние десятилетия Республики они отличаются все более и более формальным характером. Нам уже приходилось отмечать, что даже до Суллы наблюдались случаи рекомендации трибам определенных кандидатов, не говоря уже о соответствующих действиях Цезаря и Августа. Однако при Цезаре дело обстояло так: диктатор предлагал центуриатным комициям двух кандидатов при выборах в консулы³⁹, а при выборах других должностных лиц как в центуриатных, так и в трибутных комициях половина мест заполнялась по свободному выбору и половина по его рекомендательным письмам⁴⁰. Такой же порядок существовал, очевидно, и в первые годы правления Августа (*Dio Cass.*, 53, 21; 55, 34). Но сравнительно недавно нам стало известно благодаря находке так называемой *Tabula Hebana*⁴¹, что в 5 г. н. э. *ius commendationis* фактически было заменено *destinatio* кандидатов в консулы и преторы.

Мы не можем сейчас касаться всех сложных и интересных проблем, возникших в связи с находкой *Tabula Hebana* и вызвавших к жизни уже целую литературу⁴², но должны лишь уяснить себе, в какой мере *destinatio* ограничивала выборные права комиций.

Смысл этой новой процедуры состоял в том, что *destinatio*, т. е. апробация кандидатур в консулы и преторы, проводилась специально

³⁵ *Cic.*, *Sest.*, 61, 129. Клодий, конечно, не был пионером в этой области: так, в 59 г. Цезарь не поспятился с интерцессией своего коллеги Бибула, сославшегося на неблагоприятные предзнаменования (*Dio Cass.*, 38, 6), а Сулла, который сам неоднократно подчеркивал, что он верит божественным знаменам (*Plut.*, *Sull.*, 6, 9), в Греции, когда ему это было выгодно, цинично перетолковывал неблагоприятные знаменания в свою пользу (там же, 12).

³⁶ *Mommsen*, *Römisches Staatsrecht*, III, 1, стр. 359.

³⁷ *Cic.*, *De leg.*, 3, 9, 22; *Dig.*, 1, 2, 2, 32.

³⁸ *Sall.*, *Cat.*, 55; *App.*, *BC.*, 2, 6; *Plut.*, *Cic.*, 22.

³⁹ *Dio Cass.*, 42, 20, 43; 46; *Suet.*, *Caes.*, 41.

⁴⁰ *Dio Cass.*, 42, 43; *Suet.*, *Caes.*, 41.

⁴¹ *Sm.* *AJP.*, т. 75, 1954, стр. 225—249.

⁴² *Sm.* обзор основной литературы вопроса в статье: М. Л. Гаспаров, За-рубежная литература о принципате Августа, ВДИ, 1958, № 2, стр. 227—231.

созданной коллегией, состоящей из сенаторов и всадников, и только после этой процедуры происходило голосование в комициях⁴³.

Предопределялось ли полностью данным нововведением голосование в народном собрании или последнее могло делать выбор из дестинированных кандидатов и даже отклонять некоторых из них? Этот важный вопрос, к сожалению, остается неясным, и текст *Tabula Hebana* не дает на него ответа, оставляя таким образом место для различных предположений и гипотез. На наш взгляд, более приемлемы выводы тех исследователей, которые считают, что полномочия коллегии, проводившей дестинацию, были аналогичны или близки функциям прежней прерогативной центурии⁴⁴. Но если это так, то, следовательно, дестинация еще не сводила на нет выборную компетенцию комиций, оставляя за ними при выборах некоторую свободу действия.

Только таким положением и можно объяснить, с нашей точки зрения, тот факт, что в 14 г. н. э., т. е. в правление Тиберия, *primum e sampro comitia ad patres translata sunt* (Тас., *Ann.*, I, 15), т. е. выборные права целиком были переданы сенату. Если бы комиции потеряли эти права уже в 5 г. н. э., при введении дестинации, то едва ли бы возникла нужда в том акте, о котором нам сообщает Тацит⁴⁵.

Но как бы то ни было, после 14 г. н. э. выборные права комиций действительно превращаются в пустую формальность (*Dio Cass.*, 58, 20; *Vell.*, II, 126). Все больше и больше дело сводится к внешне обрядовой стороне. В таком формальном виде выборные комиции просуществовали вплоть до III в. н. э.⁴⁶, но это была уже только почтенная традиция, пережиток, внешняя оболочка без какого-либо реального внутреннего содержания.

Дольше всего, как считает Моммзен, сохраняются законодательные функции комиций⁴⁷. Сначала, видимо, отмерла законодательная деятельность комиций центуриатных. Одной из наиболее характерных особенностей этих комиций, — причём данная особенность, по всей вероятности, восходит к той эпохе, когда центуриатные комиции еще совпадали со всенародным ополчением, — было принятие *leges de bello indicendo* (там же, стр. 341—343). Однако это право фактически утратилось в период гражданских войн. В 48 г. такое право присвоил себе Цезарь (*Dio Cass.*, 42, 20), а вслед за ним, основываясь на полномочиях императорской власти, так же поступает и Август (там же, 52, 41; 53, 17).

Другой характерной особенностью законодательной деятельности центуриатных комиций было принятие *leges de potestate censoria*, процедура, до некоторой степени аналогичная той, которая происходила в куриатных комициях при принятии *leges de imperio*. Но и та и другая процедуры сравнительно рано превратились в чисто формальный акт. *Lex centuriata de potestate* вообще перестала приниматься, поскольку цензоры больше не избирались⁴⁸.

Что касается законодательной деятельности трибутных комиций, то следует отметить, что в I в. до н. э. она уже неоднократно нарушалась. Так, в 82 г., в силу Валериева закона, Сулла был назначен на неограниченное время *dictator legibus scribundis et rei publicae constituendae* (*App.*, *BC*, I, 99), что давало ему право издавать законы, которые в обыч-

⁴³ G. Tibiletti, *Principe e magistrati repubblicani*, Roma, 1953, стр. 51 слл.

⁴⁴ A. H. M. Jones, *The Elections under Augustus*, *JRS*, т. 45, 1955, стр. 17—18.

⁴⁵ Tibiletti, *ук. соч.*, стр. 177—179.

⁴⁶ Sue, *Vit.*, II: *Vesp.*, 5; *Domit.*, 10; *App.*, *BC*, I, 103; *Dio Cass.*, 58, 20.

⁴⁷ Mommsen, *Römisches Staatsrecht*, II, 1, стр. 345.

⁴⁸ В 22 г., после большого перерыва, были проведены выборы цензоров в центуриатных комициях. Это было при Августе, и это был последний и единичный случай применения *lex centuriata de potestate censoria*.

ных условиях должны были бы приниматься комициями. Такие же полномочия получил Октавиан Август, когда ему в 23 г. было передано *imperium proconsulare* (Dio Cass., 52, 32). Его эдикты фактически уже имели силу закона (там же, 52, 15; 54, 10). Тацит, например, прямо говорил про Августа, что тот *munia senatus, magistratum, legum in se trahere* (Ann., I, 2). Но тем не менее законодательные решения трибунных комиций еще встречаются не только в годы правления Августа, но и всех императоров династии Юлиев-Клавдиев. Моммзен считает даже возможным говорить о законодательной деятельности комиций при Веспасиане и Нерве⁴⁹.

Таким образом, мы видим, что ограничение законодательных, выборных и судебных функций комиций действительно протекало как весьма длительный процесс, начавшийся, кстати говоря, еще во времена Республики и развивавшийся параллельно с усилением других внешних показателей упадка и разложения комиций: абсентеизмом, коррупцией и т. п.

Все эти факты, вместе взятые, доказывают, что комиции как исторически сложившаяся форма полисной демократии уже изжили себя. Но вместе с тем все приведенные выше факты — только следствие, только внешние симптомы и показатели действия гораздо более глубоко скрытых причин. И дело, конечно, не в том, что римляне, как считают некоторые юристы, не додумались до представительной системы, а в том, что перед нами налицо процесс разложения самой полисной организации, возникший в силу изменения материальной основы римского общества, т. е. изменения характера и формы собственности.

⁴⁹ M o m m s e n, Römische Staatsrecht, II, 1, стр. 326.